

На фоне других разделов послесловия, органично связанных с общей концепцией авторов, удачно дополняющих публикуемые тексты и помогающих лучше в них разобраться, чужеродной вставкой выглядит первый раздел. Дело даже не в том, что вопрос об этническом составе населения Новгородской земли не входит в компетенцию фольклористов и требует обстоятельного исследования и развернутой системы доказательств. В издании подобного рода достаточно было краткой исторической справки, констатирующей этническую чересполосицу на европейском Севере России, возможное участие угро-финских и балтских народов в формировании отдельных элементов новгородской эпической традиции. Экскурсы в область этногенеза были бы в какой-то мере оправданы, если бы в сборник вошла былина «Чудь белоглазая», но она не привлекла внимания авторов.

Временами составители «Новгородских былин», сетуя на скудость материалов, предъявляют слишком жесткие требования к собирателям прошлого, что приводит к искажению исторической перспективы. Нельзя же к собирателям XIX в. подходить с мерками сегодняшнего дня, тем более, что далеко не все они были профессиональными филологами. Особенно несправедливо сгущены краски в отношении А. Ф. Гильфердинга, которого упрекают в том, что он «...не пожелал записать весь репертуар А. П. Сорокина» (с. 396), «...не пожелал записать» на Кен-озере былинку «Садко», не зафиксированную последующими собирателями (с. 397), «...крупный чиновник, злоупотреблявший своим „генеральским“ положением: он не искал на Севере певцов, их к нему на запись приводили местные полицейские чины и старосты, что, естественно, не содействовало созданию атмосферы доверия, в которой по-настоящему раскрывается сказитель» (с. 327).

Возможно, Гильфердинг и обращался иногда к посредничеству полицейских чиновников² (нам не известно, на какие источники опираются Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий), но не это было главным в его деятельности. Предпринимая длительные поездки, Гильфердинг подбирал себе в провозатые кого-либо из певцов — выгозерца А. Багова, пудожан П. Калинина, П. Антонова, А. Сорокина, водлозерца С. Панова — и с их помощью быстро налаживал контакты с местным населением. В своих воспоминаниях заонежский сказитель И. Касьянов называет Гильфердинга «человеком очень скромным, смиренным и ласковым», умеющим сходить с людьми³. Да иначе он и не смог бы за полтора месяца (две недели у собирателя отняли переезды) записать более 300 текстов от 70 сказителей.

Высказанные замечания касаются частных вопросов и не влияют на положительную в целом оценку сборника «Новгородские былины». Его появление — хороший подарок всем любителям русского народного творчества, весомый вклад в подготовку свода русских былин, издание которого поставлено на повестку дня.

Ю. А. Новиков

² Кстати, П. Н. Рыбников, человек гораздо более радикальных взглядов, не гнушался помощью местных властей, а однажды самого губернатора уговорил послать за каликой из Красной Ляги и записал от этого певца девять текстов.

³ См. об этом: В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова). — «Русский фольклор. Материалы и исследования», П. М. — Л., 1957, с. 228—230.

Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Издание подготовила Н. А. Криничная. Л., 1978, 254 с.

В сборник, составленный исследовательницей исторических песен и преданий Н. А. Криничной, вошли тексты русских, а также карельских и вепских преданий, записанных на русском языке в Карелии и прилегающих к ней областях. В книге 234 текста; кроме того, в «Приложении» приведены сведения еще о 517 преданиях того же региона.

В книге мы видим как тексты, зафиксированные до Великой Октябрьской революции, почерпнутые преимущественно из печатных источников XIX — начала XX в., так и записи советского времени, в основном публикуемые впервые. Эти предания собраны А. В. Беловановой и А. П. Разумовой, В. Я. Евсеевым, А. Д. Соймоновым и многими другими; большая же часть — составителем сборника Н. А. Криничной и В. И. Пулькиным. Как правило, тексты, зафиксированные до революции, более или менее точные пересказы; тексты, собранные в советское время, — результат точной, частично магнитофонной записи. Качество публикуемых текстов, однако, зависит не только от точности воспроизведения рассказа: одни представляют собой законченное повествование со строгим и последовательным изложением фабулы, другие являются смутным воспоминанием, которое сбивчиво излагается в ответ на вопросы собирателей. И несмотря на это, все публикуемые в сборнике тексты, независимо от своего эстетического качества, содержат ценную историческую информацию.

Текстам предпосланы вступительные статьи. В первой раскрываются характер сборника, его цели, задачи, история создания, построение, во второй — принципы отбора и

систематизации преданий. Естественно, что публикация предваряется определением публикуемого жанра, указанием на его специфику. «Предание,— пишет Н. Криничная,— отличается от других жанров народной сказочной прозы прежде всего тем, что оно отражает историческую действительность» (с. 13—14). Это не совсем точно, так как и легенды, и бивальдины, и былички своеобразно отражают историческую действительность, но по-иному, чем предания. Признавая, что «объектом изображения преданий являются события местной истории», причем используются и общерусские и даже международные мотивы, составитель сборника определяет предание как «локальное историческое произведение фольклора, обладающее своими структурно-типологическими особенностями» (с. 15). К сожалению, это бесспорное утверждение достаточно убедительно не раскрывается, и специфические структурно-типологические особенности преданий с должной полнотой не указываются.

Тексты преданий, вошедшие в сборник, сгруппированы по девяти тематическим циклам: предания о заселении и освоении края, о чуди, «панах», кладах, силачах, о борьбе с внешними врагами, о разбойниках, раскольниках, об исторических лицах. Внутри каждого цикла тексты распределены по районам их записи и по мере возможности в хронологической последовательности событий, о которых идет речь.

Каждый из этих циклов имеет свои, преимущественно тематические, особенности и свою специфическую систему образов. Так, в преданиях о заселении края преобладают тема народной колонизации Севера, в преданиях о чуди главенствуют воспоминания о первых контактах аборигенов с русскими и об их постепенной ассимиляции. Кстати, можно пожалеть, что Н. А. Криничная не использовала многочисленные записи о чуди, сделанные в Архангельской и Вологодской областях и в Олонецкой губернии, хранящиеся в архивах Сыктывкара и в архиве ГМЭ в Ленинграде, а также тексты, собранные в Карелии экспедициями МГУ. Не учтен и указатель преданий о чуди Ю. И. Смирнова. Очень своеобразны предания о «панах», которые, по наблюдениям составителя сборника, воспринимаются населением севернорусских деревень как рассказы о предках-первоначальниках.

Разнородны предания о кладах — в одних из них сказались древние представления о магической силе золота, в результате чего они близки к быличкам, в других нашли выражение социально-утопические мечты народа, в третьих сообщается о реальных кладах и они связаны с преданиями о разбойниках и исторических лицах. Таковы же и многочисленные произведения о кладах, не только записанные в среднерусских и южнорусских областях, но и известные в мировом фольклоре.

В преданиях о силачах, связанных с эпическими произведениями о великанах, наиболее древний пласт составляют рассказы о Рахте Рагнозерском, являвшиеся неоднократно предметом изучения фольклористов.

В преданиях о борьбе с внешними врагами отразились столкновения русских и карельских крестьян со шведскими и польско-литовскими интервентами.

Особый цикл преданий посвящен разбойникам, занимавшимся грабежом на реках и волоках на пути с Волги в Балтийское и Белое моря. Эти севернорусские предания не знают образа «благородного разбойника» — им совершенно чужда идеализация разбойника, характерная для преданий областей, испытавших гнет крепостничества.

В рецензируемый сборник вошло небольшое количество (очевидно, не соответствующее степени распространенности этого цикла в народном репертуаре) преданий о раскольниках, в них отразился приобретший религиозную окраску протест низов, недовольных существовавшим порядком. Среди преданий об исторических лицах основное ядро составляют предания о Петре I. Это не случайно: рассказы о Петре I в Карелии бытуют повсюду в городах и деревнях, в среде разного социального и культурного уровня.

Органической частью книги являются не только вступительные статьи, но и тесно связанные с ними комментарии к отдельным текстам, имеющие подлинно исследовательский характер. В этих комментариях конкретизируются общие положения вступительных статей, дается перечень основных мотивов каждого предания, указываются общие черты его с другими преданиями, раскрывается его историческая основа. «Паспорт» каждого предания дается непосредственно после каждого текста, что очень удобно для читателя.

За комментарием следует «Приложение», содержащее комментированный перечень текстов преданий, не вошедших в книгу, и ряд крайне необходимых указателей: мотивов, исполнителей, личных имен и географических названий. Завершают книгу список сокращений и словарь местных и малопонятных слов. О том, что крайне трудоемкий, на редкость ответственный аппарат книги может быть назван исчерпывающим, говорит, кроме всего, то, что ему отведено свыше 6 (из 16) печатных листов.

Итак, казалось бы, осуществлена образцовая публикация произведений народной сказочной прозы. И все же чего-то в ней не хватает! За текстами не видно людей, создающих, сохраняющих, рассказывающих их. Не видно коллектива, в котором они живут, не ощущается их роль в современной народной культуре. Нельзя не пожалеть, что составитель, вложивший столько труда, увлеченья и любви в создание книги, обладающий огромным собирательским опытом, обеднил свою работу, как бы забыв, что фольклор — народное искусство, и несколько отступил от собирательских и исследовательских методов советской фольклористики, которые казались прочно завоеванными и непреложными.

Э. В. Пожеранцева